

УДК 341.1/8

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЕВРОПЕ

© 2023 **БОРЩ Ирина Валерьевна***

Кандидат юридических наук

*Старший научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
127051, Россия, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1*

***E-mail:** irina.borshch@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.06.2022

После доработки 28.08.2022

Принята к публикации 26.12.2022

Аннотация. В статье описаны последствия постсекулярного поворота в общественных науках, в частности, в истории права и теории международных отношений, применительно к изучению Вестфальского конгресса и мирного договора 1648 г. Автор показывает, как изменения подходов в международной теории (от реализма к конструктивизму и неореализму) сделали возможным критику «секулярного мифа Вестфалии». Представлены новые концепции понимания религиозной проблемы на Вестфальском конгрессе с точки зрения эволюции публичного права в Европе, в частности, в работах Д. Филпотта (2001) и Д. Крокстона (2013). Подчеркивается, что решение религиозного вопроса было неотъемлемой частью построения Вестфальской системы коллективной европейской безопасности. Указаны изменения роли папы римского в международном праве во время и после Вестфальских переговоров, а также последствия Договора 1684 г. для положения протестантов и католиков. Рассмотрен вопрос о том, как различные христианские конфессии участвовали (идеологически и политически) в Вестфальских переговорах, и особый случай православия, которое не было представлено на Конгрессе, но участвовало в европейской политике XVII в.

Ключевые слова: Вестфальский договор 1648 года, Вестфальская система, религия и право, свобода вероисповедания в Европе, Церковь и международное право.

DOI: 10.31857/S020170832301014X

EDN: otekoz

Вестфальский мир 1648 г. является значимой вехой в истории международного права и становления современной государственности. С мирными соглашениями, подписанными в немецких городах Мюнстер и Оснабрюк в Вестфалии в мае-октябре 1648 г., связано начало идей государственного суверенитета. При этом религиозное содержание мирных переговоров долгое время оставалось незамеченным. Систематическая международно-правовая наука, появившаяся во второй половине XIX в., принципиально дистанцировалась от позиций христианских церквей. Согласно преобладавшей секулярной историографии, Вестфальские мирные соглашения были революционным моментом, который в XVII в. положил конец господству средневековых универсальных институтов в международной политике и установил Вестфальскую систему. В ней суверенные государства, взаимодействующие на основе правового равенства и взаимного сдерживания, заменили универсальную юрисдикцию глав христианского мира и Западной церкви (императора и папы)¹ по сдерживанию конфликтов, рискующих превратиться в «войну всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Система баланса сил стала одной из главных международно-правовых идей в Европе XVIII в. и повлияла на становление Венской системы в XIX в. Общие принципы паритета суверенных государств просуществовали до второй половины XX в., когда развитие институтов международного права, процессы глобализации, однополярный мир заставили заговорить о конце Вестфальской эпохи. В наши дни принципы Вестфальского мира заслуживают нового осмысления, и религиозный вопрос должен стать важной частью актуализации наследия Конгресса, положившего конец религиозным войнам в Европе.

Вестфальский мир и религия: первая победа секуляризма или последний христианский мир?

В теории международного права и международных отношений Вестфалия со второй половины XIX в. до конца XX в. была символом победы секулярности. Современный американский исследователь Дэниел Филпотт обращает внимание на то, что до 2001 г. академические журналы в области международных отношений и права игнорировали тему религии. Во многих университетах при обучении студентов-международников в исторические курсы не включалась христианская мысль, т. е. весь исторический пласт философии международного права до XIX в. [Philpott, 2001]. Религиозная тема умалчивалась в социально-политической теории, а также в исторических работах, посвященных Вестфалии². Подобное отношение в международном праве сложилось не только к религии, но и к идеям. Наиболее влиятельная во второй половине XX в. в международной теории школа

¹ Как писал немецкий правовед Карл Шмитт, «Так называемое современное, т. е. межгосударственное европейское право XVI–XX веков возникло в результате распада средневекового порядка, поддерживавшегося императорской и папской властью пространственного» [Шмитт, 2008: 29].

² Показательный пример – книга голландского политолога Хендрика Спруйта, в которой описана победа национальных государств над городскими лигами почти без упоминания Реформации [Spruyt, 1994].

политического реализма утверждала, что участники билатеральных переговоров представляют государственные интересы, а не идеи, поэтому любые мирные договоры – это итог войны и воля сильнейшего. Историки публичного права допускали, что идеи являются существенным фактором во внутригосударственных переворотах и революциях, но теория и история дипломатии оставались закрытой сферой для идей, в т. ч. религиозных.

С началом третьего тысячелетия Вестфальский мир 1648 г. снова стал популярным предметом теоретических и исторических дебатов¹. После полувекового перерыва в обсуждение вернулась тема религии. Постсекулярный поворот в социальных науках после 11 сентября 2001 г. сделал возможным академическое обсуждение религиозного содержания международной политики. В этот период произошел существенный сдвиг в области теории международных отношений: после завершения холодной войны на смену реализму, подвергнутому сильной критике со стороны конструктивизма, пришел неореализм [Боровских, Гвоздев, 2015]. Последний стал учитывать влияние религиозных организаций как агентов «мягкой силы». На сегодняшний день секулярный метод в международной теории остается господствующим, но он допускает подходы, в которых разделение между политикой и религией не зафиксировано, а социально и исторически конструируется [Hurd, 2008].

Одновременно с признанием роли религиозных идей и институтов в истории Вестфальского конгресса исследователи обратили внимание на другие проблемы его интерпретации в теории международных отношений. В начале третьего тысячелетия многие заговорили о «мифе Вестфалии» [Teshke, 2009; Osiander, 2001]. Секулярная интерпретация мира 1648 г., преобладавшая на протяжении XX в., также подверглась критике. Современный американский историк Дерек Крокстон утверждает, что Вестфальский мир нужно рассматривать не как первую победу секуляризма, а как «последний христианский мир» [Croxtion, 2013: 353]. Именно так определял себя Конгресс, записывая в первой статье мирных соглашений «да будет христианский мир» (*«Pax sit Christiana»*)² и прославляя в начале текста (преамбуле) Святую Троицу.

Главный довод в пользу того, что Вестфальский мир был христианским, содержится в тексте соглашений: его статьи касались вопросов религии, т. к. без этого мир был невозможен³. Договор 1648 г. регулировал отношения между христианами разных деноминаций. Он выносил их в область международного права, на межгосударственную ассамблею христианских государств, поскольку папа Римский не мог их больше координировать ввиду раскола Западной церкви. «*Pax*» в латинском оригинале соглашений в традиции римского права означал не только мир, но и пространство (*Pax Romana, Pax Cristiana*). Современный российский исследователь Михаил Беляев

¹ Этому также способствовали мероприятия по случаю 350-летия Вестфальского мира в 1998 г. См.: Solana J. Speech by the Secretary General at the Symposium on the Political Relevance of the 1648 Peace of Westphalia. Münster. 12.11.1998. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/1998/s981112a.htm> (дата обращения: 01.06.2022)

² Этой фразой также начинался Нимвегенский мир 1673 г. между Францией и Священной Римской империей.

³ После подписания религиозных статей «протестантские делегаты плакали от радости» [Croxtion, 2013: 353].

отмечает: «Вестфальский мир 1648 г. был крупномасштабной и в целом успешной попыткой восстановления *Pax Christiana*, который впал в глубокий кризис из-за религиозного раскола и последующей конфессионализации» [Беляев, 2020: 54–55].

Вестфальский мир следует признать «религиозным христианским миром», потому что он положил конец религиозным войнам¹. Понятие «религиозная война» вошло в континентальный нарратив, но в англоязычной историографии авторы склонны называть религиозной войной не внутригосударственный конфликт, а межгосударственные войны и интервенции, подобные походу Непобедимой армады. Однако это теоретическое разграничение внутреннего и внешнего противоречит фактам: интервенции и гражданские войны на религиозной основе – это связанные и перетекающие друг в друга события. Переплетение религиозного и политического в XVII в. приводило к тому, что мотивами интервенции могли быть не только солидарность с единоверцами, но и защита свободы вероисповедания граждан другого государства. Например, правительство Франции, преследуя гугенотов, поддерживало протестантов в религиозной войне с католиками в Священной Римской империи. В силу этого католическая Франция была самым активным сторонником того, чтобы не признавать религиозную основу войны и рассматривать ее как конфликт исключительно государственных интересов. Возможно, здесь находятся истоки парадоксального секулярного образа Вестфалии. Поскольку религиозный вопрос был главным, а его решение было самой неотложной задачей, дипломаты прилагали усилия, чтобы достигнутые мирные решения о религии минимально выносились на публичное обсуждение и отражались в тексте соглашений.

Крокстон подчеркивает, что в качестве «последнего христианского мира» Вестфальский конгресс стоит в одном ряду с церковными соборами (такими как Констанцкий собор 1414–1418 гг. и Тридентский собор 1545–1563 гг.) [Croxton, 213: 346]. У протестантов Вестфалия вошла в исторический нарратив и ее память отмечена церковным праздником. Что касается католической истории, то Конгресс начался с приветствия папы Римского. Представитель Рима нунций Фабио Киджи (будущий папа Александр VII) участвовал в нем в качестве посредника (медиатора), в некоторых вопросах дипломаты прибегали к консультациям с богословами². Впоследствии Иннокентий X издал протест против Вестфальского мирного договора – послание *Zelo Domus Dei* (1650 г., издано задним числом 1648 г.). Протест со стороны Рима был вызван не фактом соглашений католиков с протестантами и перехода к последним католических земель, т. к. до 1648 г. папа уже признавал такие соглашения, не занимая в их отношении официальной позиции. В 1645 г. Киджи запрашивал у Рима формальное согласие заявить протест. Полученное разрешение он держал в секрете следующие два года и обнародовал только, когда линия ма-

¹ Крокстон уточняет, что религиозные конфликты с участием государств продолжались после 1648 г., например борьба Людовика XIV с гугенотами в 1685 г. или английская политика против католиков, однако они не привели к гражданской войне или к конфессиональному межгосударственному альянсу [Croxton, 2013: 344].

² Например, это касалось уступок протестантам католических церковных земель, что противоречило церковному праву. Католические богословы одобрили эту уступку как временную, пока церкви не объединятся снова [Croxton, 2013: 349].

леньких католических государств в процессе переговоров ослабла. Протест, заявленный Киджи, поставил папство в новую позицию: отрицая возможности соглашения с протестантскими государствами, оно впервые признавало их в качестве субъектов международного права.

Вестфалия и христианство в контексте эволюции публичного права в Европе

Вестфальские соглашения стали важным этапом эволюции публичного права в Европе начала Нового времени. Для участников они представляли не просто серию решений по завершению военных действий, перераспределению политической и церковной власти и закрытию вопросов территориальных претензий, а попытку создать гарантии безопасности для всей Европы на длительное время. «Речь идет о многосторонней и, в конечном счете, целостной исторической динамике, определившей путь Европы, а затем и других государств мира к новому международному нормативному порядку, созданию нового идейного и политического пространства, где право и политика могут быть реальным инструментом улаживания межгосударственных конфликтов» [Сафонов, 221: 110–111].

На пути к новому международному порядку значительную роль играл вопрос религии. В середине XVII в. начинает оформляться новое религиозное право, существенной чертой которого является то, что христианство в Европе отныне представлено не Церковью, а конфессиями и различными церквями. Договоры между государствами включали в себя вопросы политико-правового мира между конфессиями, однако эта область межгосударственного правового регулирования в Новое время опиралась на конфессиональное распределение государств Европы, которое просуществовало до эпохи Французской революции. Во второй половине XVIII в. в атмосфере рационализма Просвещения конфессиональный мир, основанный на статус-кво Вестфалии, был лишен идейных оснований в естественном праве и сметен революционными событиями и последовавшими войнами Наполеона.

Признав свободу вероисповедания для католиков, живущих в протестантских областях, и протестантов – в католических, а также признав права кальвинистов в одном ряду с лютеранами, Вестфальский договор приравнивал конфессии друг к другу в межгосударственной правовой перспективе. Он подтвердил Аугсбургский мир 1555 г. и расширил его положения: правитель определял конфессию государства по принципу *cuius regio, eius religio* (чья страна, того и вера). Тем, кто не принадлежал к государственной конфессии, разрешалось молиться в своих домах, посещать религиозные службы и воспитывать детей в соответствии с личными убеждениями. Их не могли исключать из профессиональных союзов (гильдий купцов и ремесленников), лишать права наследования, доступа к общественным больницам, инфекционным лечебницам, домам престарелых (богадельням), похоронным публичным церемониям и других привилегий. Подтверждалось равноправие между католиками и протестантами в Имперских советах и других законодательных учреждениях Империи. «Верность императору лютеранских сословий не могла теперь подвергаться сомнению только из-за их вероисповедания. У “имперского патриотизма” как в

евангелической, так и в католической Германии после Вестфальского мира появилась правовая основа» [Сафонов, 2021: 112].

Таким образом, устанавливались гарантии не только личной свободы вероисповедания, но и коллективных форм, таких как семья и молитвенное собрание, а также межконфессиональные профессиональные союзы и политические органы. Однако вероисповедание не было индивидуальным выбором: жители должны были исповедовать религию, к которой их предки принадлежали на 1 января 1624 г. Это также относилось к вопросам церковной земельной собственности (за исключением владений Габсбургов в Империи и Верхнем Пфальце) [Беляев, 2020: 57]. Дата была установлена в качестве «нормального года» и представляла собой компромисс (католики требовали более благоприятный для них 1627 г., а протестанты – 1618 г.). Она ограничивала право на реформу (*jus reformandi*) местных суверенов: меняя религию, они не могли принуждать к этому подданных. Гарантии прав меньшинств также зависели от их наличия на 1 января 1624 г. Мирное урегулирование, таким образом, происходило на основе статус-кво 1624 г., которое касалось только коренных жителей. Миграционная политика приема переселенцев независимо от их конфессии (на разрушенные войной земли или в растущие города) меняла пропорцию, установленную «нормальным годом» [Беляев, 2020: 62].

«Конфессиональная конкуренция» и история международного права: взгляд через призму Вестфалии

Возвращаясь к постсекулярному повороту в международно-правовых исследованиях, отметим, что этот подход, позиционирующий себя как новаторский, зачатую развивается в рамках господствующих политических нарративов, дополняя их темой религии, но не углубляясь в историю церкви. Авторы, которые пытаются примирить религиозное содержание Вестфалии с современной политической теорией, рискуют подойти к вопросу Тридцатилетней войны через призму конфессиональной идентичности Новейшего времени, когда религиозные институты отделены от государственных и находятся в отношениях конфессиональной конкуренции друг с другом внутри мирного гражданского общества. Например, это относится к книге Филпотта, который ставит вопрос о том, кто выиграл переговоры в 1648 г., протестантизм или католицизм, и даже упоминает участие в соглашениях православия. Американский ученый полагает, что Вестфальский конгресс стал «победой протестантов», подразумевая не столько правовое признание протестантских общин и государств, сколько победу протестантской идеи невидимой церкви [Philpott, 2001].

Именно эту идею политики и дипломаты восприняли для решения проблемы сосуществования разных конфессий и разных национальных церквей в Европе. Кроме того, Филпотт утверждает, что победила протестантская идентичность *не* иерархичного общества, которая стала распространяться в Европе и в Америке через молитвенные собрания. Исследователь видит в борьбе за независимость колоний продолжение идей Вестфалии, отмечая, что у Вестфальской системы было две фазы. Первая связана с утверждением суверенитета (как национального, так и имперского, поскольку все европейские государства были центрами колониальных

империй). Вторая означала конец последних и торжество идеи равенства культур разных народов как продолжение вестфальских принципов равенства конфессий.

Утверждения Филпотта о том, что католическое видение универсальной земной Церкви с центром в Риме потеряло значение для Европы именно в процессе становления Вестфальской системы, трудно согласуется с историей церкви в XVII в. В это время не только протестанты, но и многие католики понимали, что универсальная юрисдикция папства находится в кризисе. Не Реформация, а долгие периоды схизм между папами и антипапами и неудача Базельского собора 1431–1449 гг. в деле церковного реформирования обозначили начало кризиса универсальной централизованной власти христианской Европы. Реформация хотела «очищения» церкви, а не ее раскола. В этом смысле уже Аугсбургский религиозный мир 1555 г. закрепил не победу, а скорее неудачу лютеранства как религиозного движения [Беляев, 2020: 56].

В итоге протестантизм выработал систему государственно-территориальных церквей, не объединенных видимым образом в одном центре, подобном Риму или Вселенскому собору, но сохраняющих общую доктрину и сотрудничающих друг с другом¹. Протестанты отстаивали эту модель для половины Европы и повлияли на будущее политическое развитие мира. Однако нельзя утверждать, что в 1648 г. «протестанты выиграли», а «католики проиграли», т. к. одна из самых выигрышных позиций в итоговых соглашениях была у католической Франции. В Священной Римской империи религиозный паритет проводился под началом католического императора. Многие католики и протестанты рассматривали Договор 1648 г. как временную меру для восстановления политических и социальных связей, правила, «которые должны были применяться до окончательного воссоединения христиан. Это вполне соответствовало иренистским идеям, распространенным в Империи в конце войны» [Беляев, 2020: 63].

Если «католическая партия» не была проигравшей стороной, то остается вопрос о последствиях переговоров для папства, который подробно разбирается Крокстоном. В Средние века папа играл важную роль в международной области: он координировал общие действия против мусульман и прилагал усилия для поддержания мира между христианскими монархами и князьями. Однако Урбан VIII на Вестфальском конгрессе не играл роль посредника или арбитра, несмотря на то что папство непосредственно контролировало международную бюрократию клириков. Крокстон полагает, что притязания папы на власть в Европе всегда превосходили его реальную роль в управлении за пределами Папской области, за исключением Империи, где у Римско-католической церкви сохранялась более независимая роль по сравнению с положением в других монархиях [Croxtон, 2013].

Поражение папства на Конгрессе было не исторической вехой, а моментом в долгой линии политики суверенных правителей против Церкви. В середине XVII в. оно еще не отделилось от процесса оформления международного правопорядка, как

¹ Были попытки проводить транснациональные соборы протестантского движения. Например, Дордрехтский синод 1618–1619 гг. проходил по инициативе Генеральных штатов Соединенных провинций. На него приехали с согласия своих властей английские, немецкие и швейцарские теологи-реформаты, а французские гугеноты обратились к Синоду с посланием, т. к. король не позволил им выехать.

это произошло позже, в эпоху Французской революции. Однако, революционный перерыв был относительно недолгим. Во время Венской системы папство вновь включилось в международные дипломатические процессы через активную внешнюю политику конкордатов, а позднее через международно-правовую субъектность.

Договор 1648 г., который являлся важным европейским событием в истории международного права, не касался напрямую России и Османской империи – двух главных стран проживания православных христиан. На переговорах не было православных дипломатов, а войны с мусульманской Османской империей не могли подпадать под правила христианского мира. Договор избирательно устанавливал мир только в части Западной Европы, не рассматривал продолжающуюся войну Франции и Испании (1635–1659 гг.) и Восточную Европу, где велись войны Швеции, Польши и России. Что касается мирного решения конфликта конфессий, действия Соглашений были также территориально ограничены: после Вестфалии католическая церковь завершила агрессивную политику внутри Западной Европы¹, но это не относилось к Восточной Европе и к колониям, где прозелитизм, миссионерство и конфессиональные разногласия переплетались с военными действиями вплоть до XIX в.

При подготовке Вестфальского конгресса французская дипломатия полагала, что для безопасности Европы (которую Франция на тот момент видела через призму своей конкуренции с Империей) необходимо принимать во внимание Османскую империю и Россию. Однако единственная формальная связь православных с Вестфальским миром – это упоминание в Оснабрюкском договоре Великого князя Московского в качестве гаранта со стороны Швеции. Таким образом, в 1648 г. Россия вошла в список 50 европейских государств, «вершителей судеб Европы, хотя и заняла в этом списке со сложной иерархией предпоследнее (49-е) место, оставив после себя только Трансильванию» [Саямов, 2018: 104]. Позднейшие исследования русских дипломатических архивов показали, что именно французская дипломатия содействовала этому событию [Поршневу, 1976].

Важно отметить, что дипломатический союз Швеции, Франции и России в эпоху Тридцатилетней войны имел свою религиозную составляющую. Сближение евангелической Швеции и православной России, заинтересованность Москвы в отношениях с королем Густавом-Адольфом была продиктована борьбой с Польшей и противостоянием римской политике Брестской унии 1596 г.² Франко-русское ди-

¹ Мы разделяем точку зрения большинства современных историков на Контрреформацию как посттридентскую реформу, которая включала обновление и создание институтов управления и образования в Римско-католической церкви. Однако в эпоху внутреннего реформирования она проводила политику миссии и прозелитизма (в отношении протестантов, православных, а также представителей других религий в колониях), которая была далека от принципов веротерпимости Вестфальского мира.

² Ср. у Поршнева о «широкой позиции» патриарха Филарета (Романова) в европейской политике: «Изучение документов Посольского приказа показывает, что не было сколько-нибудь существенных политических событий в любой из европейских стран, о которых в Москве не были бы получены сообщения через те или иные каналы. Все это тщательно суммировалось и изучалось. Документы Посольского приказа показывают, также, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, послы Турции, Швеции, Фран-

пломатическое сближение имело другие основания. Ришелье, направляя посланника в Москву, продвигал идеи не религиозного, а политического схождения двух стран, как двух христианских национальных монархий: «Как царь всея Руси начальник и оберегатель церкви греческой и восточных стран, также король христианнейший начальник и опора церкви римской и западных стран» [Поршнев, 1976: 182–183]. В этом дипломатическом дискурсе теоретически сближаются Католическая церковь Франции и Русская православная церковь, и это происходит в контексте союзнических отношений обеих монархий с лютеранской Швецией.

Формально Россия вступила в Вестфальскую систему международных отношений при Петре I, приняв ее принципы, но имея собственную несинхронную европейской динамику государственно-церковных отношений. У России к этому времени был многовековой опыт поддержки православных христиан на территориях бывшей Восточной Римской империи (в Новое время – Османской империи). Это обусловило особенности ее собственной доктрины международных отношений даже после присоединения к Вестфальской системе [Борщ, 2021]. Вопрос о соотношении между Вестфалией (в качестве комплекса международных норм и правовых идей) и историческими традициями православной церкви остается сложным и заслуживает дальнейшего изучения.

Заключение

Независимо от того, считать ли Вестфальский конгресс точкой отсчета для системы суверенных государств или полагать, что о полноценном суверенитете можно говорить только с XIX в., с появлением капиталистической экономики [Teshke, 2003], а относительный суверенитет имперских чинов существовал и ранее [Иволина, 2015], он остается важной вехой в истории установления мира и безопасности в Европе. При этом вопросы свободы религии, веротерпимости, прекращения преследований по религиозному признаку, взаимного и равного признания государств, относящихся к разным конфессиям, играли важнейшую роль в процессе мирных переговоров. Для решения этих вопросов участники мирных соглашений 1648 г. предложили особый механизм правовых мер. Они искренне желали утвердить мир через уважение религиозных убеждений и снизить напряженность через признание существующего статус-кво конфессиональных разделений, отделив вопросы политико-гражданской лояльности от религиозных вопросов, и тем самым заложили основы современного многоконфессионального общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев М.П. (2020) Правовое регулирование конфессиональных отношений в Священной Римской империи в раннее новое время. *Электронное приложение к российскому юридическому журналу*. № 1. С. 54–65.

ции, Голландии, сходились в одном тезисе: Польско-Литовское государство сильно помощью, которую ему оказывает Империя. ... Отсюда широкая коалиционная точка зрения во внешней политике Филарета Никитича» [Поршнев, 1976: 416–417].

Боровский Ю.В., Гвоздев П.А. (2015) Реализм в полемике с неолиберализмом и конструктивизмом: основные моменты дискуссий на рубеже столетий. *Вестник МГИМО*. № 5(44). С. 126–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-126-135

Борщ И.В. (2021) Международное право и Православная церковь: идеи М.В. Зызыкина в 1930-е годы. *Социологическое обозрение*. Т. 20. № 1. С. 176–201. DOI: 10.17323/1728-192X-2021-1-176-201

Ивонина Л. И. (2015) Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху классической Европы. *Исторический формат*. № 1. С. 92–103.

Поршнев Б.Ф. (1976) *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства*. Наука, Москва. 436 с.

Саямов Ю.Н. (2018) Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня. *Век глобализации*. № 3(27). С. 95–105.

Сафонов В.Е. (2021) Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права. *Гражданин. Выборы. Власть*. № 2(20). С. 110–117.

Шмитт К. (2008) *Номос земли в праве народов Jus Publicum Europaeum*. Издательство Владимир Даль, Санкт-Петербург. 672 с.

Croxton D. (2013) *Westphalia: The Last Christian Peace*. Palgrave Macmillan, N.Y., USA. 468 p.

Hurd E.S. (2008) *The Politics of Secularism in International Relations*. Princeton University Press, New Jersey, USA. 264 p.

Osiander A. (2001) Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*. Vol. 55(2) P. 251–287.

Philpott D. (2001) *Revolutions in Sovereignty – How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton University Press. New Jersey, USA. 352 p.

Spruyt H. (1994) *The Sovereign State and Its Competitors*. Princeton University Press. New Jersey, USA. 304 p.

Teshke B. (2003) *The Myth of 1648. Class, geopolitics and the making of modern international relations*. Verso, London, UK; N.Y., USA. 322 p.

The Peace of Westphalia and Religion in the Context of the Evolution of Public Law in Europe

I.V. Borshch*

Candidate of Sciences (Law)

Senior Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory

St. Tikhon's Orthodox University. Lihov per., 6, str. 1, Moscow, Russia, 127051

***E-mail:** irina.borshch@yandex.ru

Abstracts. The article describes the consequences of the «post-secular turn» in social sciences, in particular, in the history of law and the theory of international relations as applied to the study of the Congress of Westphalia and the Peace Treaty of 1648. The author shows how new approaches in the international theory (from realism to constructivism and neorealism) contributed to the criticism of the «secular myth of Westphalia». The author considers new perspectives on the religious issue at the Westphalian Peace Congress in terms of the evolution of public law in Europe. Westphalia is seen as a set of religion ideas, which caused a revolution in the concept and practice of sovereignty and Westphalia as the last Christian Peace. The article discusses the role of the legal principles of religious freedom and the confessional truce of the XVII century in the formation of the Westphalian system of security guarantees in Europe. The changes in the role of the Pope in international law during and after the Westphalian negotiations and the consequences of the Treaty for

protestant and catholic conditions are indicated. The study reveals how various Christian denominations participated (ideologically and politically) in the Westphalian negotiations, while discussing the «special case» of Orthodoxy, taking into account the diplomatic rapprochement of Moscow, Stockholm and Paris before the Westphalian Peace Congress.

Key words: Treaty of Westpalia of 1648, Westphalian system, religion and law, freedom of religion in Europe, Church and international law.

DOI: 10.31857/S020170832301014X

EDN: otekoz

REFERENCES

Belyaev M.P. (2020) Pravovoe regulirovanie konfessional'nyh otnoshenij v Svyashchennoj Rimskoj imperii v rannee novoe vremya [Legal Regulation of Confessional Relations in the Holy Roman Empire in Early Modern Times], *Elektronnoe prilozhenie k rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu*, 1, pp. 54–65. (In Russian).

Borovskiy Yu.V., Gvozdev P.A. (2015) Realizm v polemike s neoliberalizmom i konstruktivizmom: osnovnye momenty diskussij na rubezhe stoletij [Realism vs. Neoliberalism and Constructivism: Main Points of Debate], *Vestnik MGIMO*, 5(44), pp. 126–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-126-135 (In Russian).

Borshch I.V. (2021) Mezhdunarodnoe pravo i Pravoslavnaya cerkov': idei M.V. Zyzykina v 1930-e gody [International Law and the Orthodox Church: Ideas of M. V. Zyzykin in the 1930s], *Sociologicheskoe obozrenie*, 20(1), pp. 176–201. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-176-201 (in Russian).

Croxtan D. (2013) *Westphalia: The Last Christian Peace*, Palgrave Macmillan, New York, USA.

Hurd E.S. (2008) *The Politics of Secularism in International Relations*, Princeton University Press. New Jersey, USA.

Ivonina L.I. (2015) Monopolizaciya vlasti i gosudarstvennyj suverenitet v epohu klassicheskoy Evropy [Monopolization of Power and State Sovereignty in the Era of Classical Europe], *Istoričeskij format*. 1, pp. 92–103. (In Russian).

Osiander, A. (2001) Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth, *International Organization*, 55(2), pp. 251–287.

Porshnev B.F. (1976) *Tridcatiletnyaya vojna i vstuplenie v nee Shvecii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years' War and the Entry into it of Sweden and the Moscow State], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Philpott D. (2001) *Revolutions in Sovereignty – How Ideas Shaped Modern International Relations*, Princeton University Press. New Jersey, USA.

Sayamov YU.N. (2018) Vestfal'skij mir i ego principy vchera i segodnya [The Peace of Westphalia and its Principles Yesterday and Today], *Vek globalizacii*, 3(27), pp. 95–105. (In Russian).

Safonov V.E. (2021) Vestfal'skij traktat 1648 goda i ego vliyanie na formirovanie principov mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Westphalia of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2 (20), pp. 110–117. (in Russian).

Schmitt C. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], Vladimir Dahl, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).

Spruyt H. (1994) *The Sovereign State and Its Competitors*, Princeton University Press, New Jersey, USA.

Teshke B. (2003) *The Myth of 1648. Class, geopolitics and the making of modern international relations*, Verso, London, UK; N.Y., USA.